

О НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКЕ ПОНЯТИЯ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИКЦИЯ»

***Аннотация.** Статья содержит различные подходы к сущности юридической фикции. Она рассматривается как категория юридической науки, особый способ упорядочения правовой материи, элемент содержания права и как прием законодательной техники. Анализируя указанные подходы и соответствующую терминологию, автор предлагает понимать под юридической фикцией универсальный правовой регулятор, состоящий в признании несуществующего положения существующим и, наоборот, имеющий особое целевое назначение в механизме правового регулирования общественных отношений и являющийся одним из способов преодоления состояния неопределенности в правовом регулировании общественных отношений.*

***Ключевые слова:** фикция, юридическая фикция, научный подход, категория науки, правовая материя, правовое регулирование.*

ON THE SCIENTIFIC DEVELOPMENT OF THE CONCEPT «LEGAL FICTION»

***Abstract.** The article contains various approaches to the essence of legal fiction. It is considered as a category of legal science, as a special way of ordering legal matter, an element of the content of law, as a method of legislative technique. Analyzing these approaches and the corresponding terminology, the author proposes to understand by legal fiction — a universal legal regulator consisting in recognition non-existent situation existing and vice versa, which has a special purpose in the mechanism of legal regulation of social relations and is one of the ways to overcome the state of uncertainty in the legal regulation of social relations.*

***Keywords:** fiction, legal fiction, scientific approach, category of science, legal matter, legal regulation.*

В современной профессиональной сленговой интерпретации фикция (англ. fiction) понимается как надуманный, созданный искусственно путем догматического обоснования известных хозяйственных правил пункт договора, контракта, требуемый иногда с точки зрения формальности, но не всегда исполняемый из-за невозможности его проверки, например, в части гарантий или авторских прав; а юридическая фикция — заведомо неистинное положение, которое не может по каким-либо причинам возникнуть в силу юридического факта, например, признания безвестно отсутствующего гражданина умершим.

Согласно философскому словарю, в научном мышлении фикция (от лат. *fictio* — выдумка, вымысел) — это предположение, невероятность, даже невозможность которого осознаются. Но оно, тем не менее, может сослужить большую службу человеческому разуму как *временное* вспомогательное понятие, которое потом снова исключается из теоретического рассуждения (например, пустое пространство)¹. Фикции существовали в науке, искусстве, литературе и во многих других сферах деятельности человека. Приведем некоторые рассуждения французского философа, историка и теоретика культуры, видного представителя современного французского структурализма Мишеля Фуко (1926–1984), который анализировал в своей книге «Слова и вещи» (1966) роман Мигеля де Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский».

Фуко отмечал, что Сервантес рисует нам мир эпохи Возрождения в виде негативного отпечатка: письмо перестало быть прозой мира; сходства и знаки расторгли свой прежний союз; подобия обманчивы и оборачиваются видениями и бредом; вещи упрямо пребывают в их ироническом тождестве с собой, перестав быть тем, чем они являются на самом деле; слова блуждают наудачу без своего содержания и сходства, которое могло бы их наполнить; они не обозначают больше вещей и спят в пыли между страницами книг. Магия, дававшая возможность разгадки мира, открывая сходства, скрытые под знаками, служит теперь для лишнего смысла объяснения того, почему аналогии всегда несостоятельны. Эрудиция, прочитывавшая природу и книги как единый текст, возвращается к своим химерам: ценность знаков языка, размещенных на пожелтевших страницах фолиантов, сводится лишь к жалкой *фикции* того, что они представляют. Письмена и вещи больше не сходятся между собой. Дон Кихот блуждает среди них наугад, сражаясь с ветряными мельницами [1].

Как видно, в языке (в том числе и литературном) фикция выражается преимущественно с помощью конструкции «как бы», которая применялась уже Иммануилом Кантом. Фридрих Ницше создал современное теоретико-познавательное понятие фикции. Под влиянием Канта и Ницше Ганс Файхингер развил теорию фикций («фикционализм»). В своей работе «*Philosophie des Ais-Ob*» (1911) он «отличает наивную иллюзию от художественного вымысла и от научной фикции, которая выступает или как полуфикция, или как полная фикция»².

Фикция как категория юридической науки

Под правовыми понятиями подразумеваются содержательные научные представления, воспроизводящие (идеально) в мышлении объективную суть реальных процессов правовой действительности и выражающие (специ-

¹ Фикция // Философский словарь / http://mirslouvrei.com/content_fil/FIKCIJA-19915.html. (дата обращения: 21.02.2022).

² Там же.

фически) их юридическую качественную определенность. В категориях теории права концентрируются и выражаются накопленные ею знания, раскрывается ее предмет. Понятия выполняют роль своего рода системообразующих логических узлов, с помощью которых научное познание проникает в сущность и содержание государственно-правовых явлений. Правовые понятия и термины — своеобразный и единственный в своем роде «строительный материал», используемый законодателем при конструировании и изложении правовых норм. Правовые понятия заключают в себе в концентрированном виде информацию о реальной и желательной действительности и позволяют правовым нормам относительно лаконично и обобщенно моделировать значимые для правового воздействия определенные ситуации. Имея предметом отражения в форме обобщения соответствующие государственно-правовые явления, правовые понятия, закрепленные в тексте закона, становятся понятиями права. На основе понятий права базируются представления и оценки социальной направленности законов, их технико-юридические достоинства. Правовые понятия — это сгустки знаний об определенных социальных реалиях, а также информация о волевых устремлениях законодателя, обращенных в будущее [2, с. 7–8; 3, с. 25–27; 4, с. 37–39; 5, с. 90–97].

Одним из правовых понятий, используемых в юридической науке, является «юридическая фикция». Ее значение в современном праве мотивируется так же, как пятьдесят лет назад, то есть тем, что именно доктринальное и судебно-практическое толкование имеет своей задачей поддержание гармонии между законом и жизнью.

Юридическое понятие должно иметь точный, определенный смысл и быть однозначным. Правовое понятие обычно должно состоять из структурных элементов — существенных признаков предмета, составляющих содержание понятия. Основная функция понятия состоит в том, чтобы отразить сущность предмета, — причем не только правовую, но и в значительной мере реальную [6, с. 4]. В противном случае, как считает О.И. Крассов, «юриспруденция погружается во мрак юридических фикций, лишенных как правового, так и здравого смысла» [6, с. 4], с чем, однако, трудно согласиться. Во-первых, автор употребляет термин «юридическая фикция» совсем не в том значении, как это принято в юридической науке. При этом его фраза «мрак юридических фикций» звучит весьма зловеще. Во-вторых, юридическая фикция не может быть лишена «правового и здравого смысла». Правовой и здравый смысл фикций в праве не оспаривали даже противники теории фикций, включая наших предков, которые применяли их в своих источниках права [7]. Видимо, автор нечасто сталкивался с понятием «правовая фикция» и не представляет, сколько фикций, без которых невозможно обойтись, содержится в праве и законодательстве.

По мнению С.В. Одинцова и Э.Ю. Миронова, разработка юридической фикции в праве имеет целью выражение отношений, требующих правовой защиты. Другие имущественные права, включая бездокументарные ценные

бумаги и безналичные денежные средства, также являются юридической фикцией и вместе с тем признаются самостоятельными объектами гражданских прав [8, с. 97–104].

Фикция находит применение не только в праве (в частности, в гражданском), но и во многих иных областях науки. Востребованность фикций в этой сфере в значительной степени обусловлена тем, что их использование избавляет нас от необходимости давать излишние объяснения по поводу тех или иных предметов и явлений, а также тем, что многие методы научного исследования весьма условны. Данное обстоятельство касается не только юриспруденции. Такие точные науки, как физика и математика, также вынуждены прибегать к фикциям в силу отсутствия совершенного логико-понятийного аппарата. Таким образом, использование фикций для объяснения тех или иных закономерностей в праве практически изначально было неизбежным.

С целью формулирования объективного определения понятия «юридическая фикция», рассмотрим ее в качестве элемента содержания права и приема законодательной техники.

Фикция как особый способ упорядочения правовой материи

Материя (от лат. *materia* — вещество) — философская категория для обозначения физической субстанции вообще, в противоположность сознанию или духу. В материалистической философской традиции она обозначает субстанцию, обладающую статусом первоначала (объективной реальностью) по отношению к сознанию (субъективной реальности): материя отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них (объективно) [9, с. 604–605].

Словосочетание «правовая материя» появилось на свет в результате мимикрии научного юридического языка к понятийному ряду диалектического материализма. Для философа данное понятие может означать то же, что для геометра «круглый квадрат» [10].

Правовая материя выступает в трех проявлениях и формах: в форме правосознания, идеи, представления о праве; в форме правовых норм; в форме общественных отношений, порождающих правовые нормы и, в свою очередь, испытывающих воздействие этих норм. Правосознание — часть общественной идеологии; та ее часть, которая связана с правом. Правовые нормы — часть социальных регуляторов, возможно, наиболее важная часть. Наконец, правовые отношения — это одновременно источник правовых норм и результат их действия.

Эта триединая сущность права практически присутствует во всех научных представлениях. Но вот роль и значение каждого из трех правовых начал оказываются разными в различных правовых школах. Соответственно, обилие правовых теорий может быть представлено тремя наиболее крупными школами [11, с. 14].

В философской науке под *сущностью* понимается совокупность глубинных связей, внутренняя сторона того или иного явления, определяющая его природу, наиболее устойчивые черты и свойства³. В теории государства и права большинство авторов указывают, что *сущность права* составляет воля. На этот счет в юридической литературе встречается множество вариаций. Так, Л.С. Явич, как, впрочем, и большинство советских авторов вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом, считали, что в праве присутствует воля господствующего класса [12, с. 39].

Затем изменения, происшедшие в социальной жизни, позволили ученым слепо не применять марксистские догмы и привели к появлению несколько иной интерпретации сущности права. По мнению опять же большинства авторов, *сущность права* составляла воля государства [13, с. 64]. Однако, как справедливо отмечает Т.В. Кашанина, спасительная фраза «воля государства» мало что проясняла. Ведь в нормативных актах, издаваемых государством, выражаются, прежде всего, интересы тех, кто в обществе экономически доминирует. Кроме того, при понимании *сущности права* как воли государства под правом понималось только лишь законодательство. Жизнь же показывает, что дело сводится не к одному лишь публичному праву. Большой пласт общественных отношений регулируется нормами частного права (корпоративными и договорными), которые формулируются отдельными гражданами и организациями и выражают их волю [14, с. 874].

О.Э. Лейст совершенно справедливо писал, что право выражает волю и интересы разных социальных групп [15, с. 25]. В юридической литературе встречаются и другие мнения на этот счет.

Действительно, *сущность права* — это, в первую очередь, выяснение того, чьи интересы выражает право, то есть его волевого начала. Но не только. В единой сущности права можно выделить три аспекта или три его начала: волевой, интеллектуальный и регулятивный [14, с. 874–880].

Что же касается *содержания права*, то в этом вопросе также пока нет единства мнений. Большинство авторов не отрицает, что содержание права — это «конкретизированная обогащенная *сущность права*». Проблема проявилась в том, что практически все трактуют эту довольно общую фразу по-разному.

Авторы, которые первыми обратились к характеристике содержания права, связывали его с явлениями, лежащими вне права, но влияющими на процесс правообразования. Так, например, Н.Г. Александров содержанием права считал отражаемый им контент общественных отношений [16, с. 11]. С.Н. Братусь связывал содержание права с экономическими потребностями общества [17, с. 14–15]. Д.А. Керимов предлагал под содержанием права понимать преобразованную в сознании законодателя совокупность факторов объективной действительности, которые обретают четкую определенность

³ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 1986. С. 469.

в конкретных правовых нормах [18, с. 214]. Т.Н. Радько полагает, что содержание права — это закрепленные правом социальные интересы [19, с. 245].

В дальнейшем пришло понимание, что содержание права все же не может находиться вне права. Оно складывается из норм. Но каких норм? И, как и полагается в науке, на этот счет появилась палитра мнений.

С.С. Алексеев полагал, что государственная воля воплощается в субъективных правах, существующих и функционирующих в единстве с юридическими обязанностями [20, с. 74]. Но поскольку именно логическая норма права имеет представительско-обязывающий характер, то это утверждение, вероятно, следует трактовать так: содержание права состоит из логических норм, то есть правил поведения общего характера. В дальнейшем автор пришел к выводу, что содержание права наполняют не только нормы права, но и индивидуальные предписания, санкции, меры защиты, юридические факты и другие явления правовой действительности [21].

В.Н. Карташов называет данную позицию малопонятной и предлагает свое математически четкое решение: содержание права = НПП (НП + нестандартные НПП). Здесь НПП — это нормативно-правовые предписания, которые бывают двух видов: нормы права и так называемые нестандартные нормативные предписания (принципы права, правовые дефиниции и др.) [22, с. 96].

В.А. Толстик и Н.А. Трусов, посвятившие свою работу исследованию содержания права, приходят к выводу, что «под содержанием права следует понимать нормы права, в которых выражается воля субъекта правотворчества, обусловленная интересами доминирующей социальной группы либо компромиссным интересом стратифицированного социума» [23, с. 56]. Конкретизируя понятие «нормы права», авторы поясняют, что они согласны с тем, что не любая норма права есть правило поведения; что существуют еще и отправные нормы, определяющие исходные начала правового регулирования. Однако, по их мнению, именно совокупность закрепленных в действующем законодательстве субъективных прав и юридических обязанностей составляет содержание права [24, с. 45].

Таким образом, как отмечает Т.В. Кашанина, в исследовании вопроса о содержании права ставить точку пока рано [14, с. 881].

Какими же способами выражается *содержание права*? Какова связь *фикций с содержанием права*? И какую роль играет фикция во всем этом? Попытаемся ответить на данные вопросы.

Место юридических фикций в содержании права

Правовые фикции, это сформулированные в законодательстве положения о несуществующих фактах, которые признаются существующими, а потому имеющими определенные юридические последствия. Применение фикций имеет длительную историю: они находили себе место еще в практике римского права. Известен пример, когда при одновременной смерти

родителей и детей в результате кораблекрушения или сражения применялось правило: если вместе с родителями погибали несовершеннолетние дети, то пережившими предполагались родители; если же погибали родители и их совершеннолетние дети, то пережившими предполагались дети. Это имело очень большое значение при рассмотрении дел о наследстве.

С высокой долей определенности к правовой фикции можно отнести и теорию юридического лица. Немецкий юрист Фридрих Карл фон Савиньи считал юридическое лицо «субъектом права, фактически не существующим в реальности». Классическим примером фикции в гражданском праве выступает начало исчисления срока для признания гражданина умершим (ст. 45 ГК РФ) или безвестно отсутствующим (ст. 42 ГК РФ). Применяя этот прием юридической техники, законодатель дисциплинирует участников гражданского процесса, добивается четкой организации судопроизводства, своевременного разрешения дел в судах [25]. Фикция органично вплетена в логическую структуру материи права вопреки всем законам самой формальной логики, но при этом выполняет столь важную функцию, что без нее вряд ли возможно полноценное правовое регулирование в ряде важнейших сфер общественной жизни [26, с. 243]. Она представляет собой особый способ существования содержания права [14, с. 887]. Фикция — отступление, но такое, которое применяется для актуализации права. Причем это отступление целесообразно признать совершенной необходимостью для закона, поскольку иногда иных путей нет. Фикция является порой формой проявления, но чаще — способом дополнения права. В ней живет своя и не своя сущность. В юридической фикции заключена удачная попытка права выйти за свои пределы, ибо для всесторонности правового регулирования не хватает именно этого факта, — быть не самим собой.

На основании вышеизложенного возможно предложить следующее определение юридической фикции.

Фикция в праве — это элемент его содержания, способ упорядочения правовой материи, обязывающий совершать юридически значимые действия при отсутствии точно корреспондирующих им фактических общественных отношений. В большинстве случаев применения фикций вносится определенность в правовое положение лица, что способствует регулированию общественных отношений с его участием.

Основными способами формирования содержания права, кроме принципов права, являются запрет, предписание и дозволение. Они применяются при помощи юридических норм, в том числе и норм-фикций, позволяющих, выходя за рамки общественных отношений, устранять пробелы и неопределенности в праве.

Для преодоления неопределенных ситуаций существуют вполне определенные правила — правовые презумпции и фикции, которые не столько повышают определенность права, сколько преодолевают неопределенность жизни [27, с. 24].

Фикция как прием законодательной техники

Сегодня теория юридической техники, являясь одним из наиболее перспективных направлений в современной отечественной юриспруденции, как это ни странно констатировать, в некоторой степени исчерпала свой общетеоретический потенциал. Это вовсе не говорит об отсутствии научных проблем, требующих своего решения, или о снижении актуальности соответствующих разработок [28, с. 104].

В последние годы в отечественной правовой литературе заметно усилилось внимание к проблемам, с одной стороны, в целом юридической техники [29; 30, с. 13–24; 31; 32, с. 96–116], с другой, — законодательной техники, как одной из ее разновидностей.

В общем смысле техника — это приемы непосредственного воздействия на тот или иной предмет (объект) с целью создания или преобразования чего-либо. Конкретно юридическая техника — собирательное понятие, комплексное по своему характеру, сущностная сторона которого сводится к обособлению знаний, с помощью которых создается и действует право, то есть знаний о технико-юридическом инструментарии правового регулирования. В то же время юридическая техника может характеризоваться как объемное понятие, позволяющее отграничивать одни знания от других [33, с. 154].

Законодательная техника — это разнообразные приемы работы над текстом проекта нормативного акта, правила его составления и оформления. Она должна обеспечивать максимально полное и точное соответствие формы нормативных актов их содержанию, а также доступность, простоту, исчерпывающий охват регулируемых вопросов.

Научный и практический интерес к юридической технике не случаен и вызван целым рядом объективных и субъективных факторов.

Во-первых, радикальным обновлением в связи с переходом к рыночным отношениям всей системы законодательства, необходимостью повышения его эффективности, обеспечения внутренней согласованности правовой системы в рамках федеративного государства, создания правового государства.

Во-вторых, расширением границ регулирующего воздействия на общественные отношения с помощью закона как акта высшей юридической силы, потребностью нового подхода к качеству «отделки» законодательного материала, его структурирования, выработки механизмов реального воздействия на общественные процессы.

В-третьих, сближением правовых систем в условиях интернационализации права, утверждением приоритета норм и принципов международного права перед национальным правом, вступлением нашей страны в Совет Европы, признанием обязательной юрисдикции Европейского Суда и соответствующей необходимостью унификации многих отраслей и институтов права, правовой терминологии, использования законотворческих и правоприменительных процедур и режимов.

В-четвертых, массовым распространением информационных правовых систем, что требует строгой классификации, унификации и более четкой рубрикации законодательства.

И, наконец, в-пятых, растущей ролью законодательства в защите прав и свобод человека и гражданина. Нынешние условия требуют высокой правовой грамотности и знания юридической техники не только от государственных служащих, но и рядовых граждан [29].

Техническое несовершенство права, согласно размышлениям немецкого правоведа XIX века Рудольфа фон Иеринга, не есть лишь частичное несовершенство и пренебрежение отдельной стороной права. Техническое несовершенство представляет собой несовершенство всего права, недостаток, тормозящий право и вредящий ему во всех его целях и задачах. Поэтому техника косвенным образом обладает большим этическим значением, и практическая юриспруденция, относясь при технической обработке материала с крайней тщательностью даже к мелочам, может хвалиться, что действует путем усовершенствованной техники права на пользу всего высокого и великого; ее мало заметная работа в низинах права способствует развитию последнего нередко больше самого глубокого мыслительного труда [34, с. 24]. Р. Иеринг выражение «техника» понимал в двойном смысле — субъективном и объективном. В первом смысле «техника» — то *юридическое искусство*, задачу которого составляет формальная отделка данного правового материала в указанном выше смысле, словом, технический метод; во втором смысле — осуществление этой задачи в самом праве, то есть соответствующий технический механизм права [34, с. 25]. Вся необходимость юридической техники, по его мнению, может быть сведена к двум главным задачам:

Первая — усвоение права. Кто хочет вполне уверенно применять право, должен прежде всего усвоить его, овладеть им умственно. Это усвоение может быть ему либо облегчено, либо затруднено, в зависимости от характера самого права. Облегчение этой работы путем возможно большего количественного и качественного упрощения права составляет одну из главных задач техники.

Вторая задача техники вызвана целью применения права к конкретному случаю. Искусность в применении — дело субъекта. Это — искусство, которое достигается только многократными упражнениями. Однако право может соответственным построением правовых положений значительно облегчить себе задачу, а превратным — сильно затруднить ее. Задача законодательства, как и юриспруденции, заключается в том, чтобы облечь понятия, не поддающиеся верному применению, в такую форму, которая делает возможным перевести, если можно так выразиться, данное понятие с языка философа права на язык законодателя и судьи [в наше время также актуально то, что юридический язык и «юридическая терминология является значимым, полновесным элементом современного правового пространства». 35, с. 4–11]. Философско-правовая идея совершеннолетия заключается в зрелости ум-

ственного развития, идея же полного совершеннолетия — в зрелости характера. Для практического применения эта мысль является неподходящей, поэтому ее заменяет число, — потеря в правильности и корректности мысли уравнивается практической применимостью ее. Достижение этого последнего качества, способности формальной реализации правоположения или, говоря точнее, достижение практичности права, и составляет вторую главную задачу техники [34].

В праве можно выделить специальные средства, отвечающие за познавательную, информационную, интеллектуальную его нагрузку. Именно они передают информацию об объективном мире субъектам, реализующим требования правовых норм [14, с. 877]. Особое значение в этом отношении имеют так называемые нетипичные правовые предписания или отправные нормативные установления [36; 37; 38]. К ним относятся принципы права, правовые понятия и их дефиниции, юридические конструкции, нормы-декларации, правовые презумпции, правовые фикции, правовые аксиомы, нормы-исключения, статутные предписания и другое.

Юридическая фикция как юридико-технический прием

Нетипичные нормативные предписания, так же, как и нормы права, выполняют регулирующее назначение. Их применение обусловлено потребностями практики, необходимостью повышения эффективности правового регулирования. Нетипичные нормативные предписания выполняют важную вспомогательную функцию в нормативно-правовом регулировании. Необходимо заметить, что с точки зрения формы юридическая фикция представляет собой прием, применяемый в праве и состоящий в закреплении такого положения, которое лишено истинности с момента его установления. Она закрепляет несуществующее, и этим определяется ее фиктивный характер. Но достаточно ли будет охарактеризовать фикцию лишь как прием, только с внешней стороны? Представляется, что недостаточно. И на это обстоятельство впервые в советской правовой литературе обратила внимание В.И. Каминская. Ею, в частности, было отмечено, что «условное принятие за истину представляет собой в юридической фикции только внешнюю форму... Ложь юридической фикции не проникает в содержание» [39, с. 48]. В этом состоит понимание природы юридической фикции в наибольшей степени.

Традиционной концепции, определяющей фикцию как прием законодательной техники, придерживаются, в частности М.Л. Давыдова, О.А. Курсова, Е.А. Нахова, Е.Ю. Марохин, П.М. Резиньков и другие. Постараюсь поточнее привести их позиции на этот счет.

М.Л. Давыдова считает, что правовые фикции как прием (средство) юридической техники «представляют собой специфические правовые положения, с помощью которых конструируется несуществующая условная правовая реальность. Данные явления, будучи абсолютным вымыслом,

не только существуют с юридической точки зрения, но и являются необходимыми элементами механизма правового регулирования» [40, с. 18].

О.А. Курсова полагает, что «...правовая фикция — это *средство юридической техники*, при помощи которого конструируется заведомо не существующее положение (отношение или состояние), признаваемое существующим и обладающее императивностью, играющее роль недостающего юридического факта в ситуации невосполнимой неизвестности, закрепленное нормой права» [41, с. 15].

Под правовой фикцией Е.А. Нахова предлагает понимать «прием юридической техники (в форме особого варианта семантического высказывания, не обладающего связью с эмпирическими фактами), суть которого заключается в установлении федеральным законом юридических последствий, которые являются следствием заведомо несуществующих фактов с целью преодоления неопределенности в правовом регулировании» [42].

В настоящее время, — отмечает Е.Ю. Марохин, — юридическая фикция может существовать в праве только в виде специального метода юридической техники, и ее использование при конструировании норм права, в некоторых случаях, является единственно возможным средством регулирования общественных отношений в сложной ситуации невосполнимой неизвестности [43].

П.М. Резиньков пишет: «Юридическая фикция представляет собой особое средство юридической техники, закрепленное в правовых актах и используемое в юридической практике как нормативное предписание в виде специфического способа (приема), выражающегося в провозглашении существующего факта или обстоятельства, в действительности не имеющих места, посредством которого заведомо ложное положение, признанное законодательством существующим и ставшее в силу этого общеобязательным, условно признается истиной, возможность опровержения которой, как правило, не имеет никакого юридического значения» [44, с. 20].

К.К. Панько предлагает определить юридическую фикцию как «один из приемов законодательной техники, состоящей в признании существующим несуществующего и наоборот, а также свойство нормы права не соответствовать потребностям общества в процессе правотворческой и правоприменительной деятельности» [28, с. 461]. Он трактует фикцию, с одной стороны, как техническое средство, прием законодательной техники, состоящий в признании существующим несуществующего, с другой, — как «антипод закона».

Как видим, авторы здесь практически единодушны. Получается, что фикция как прием необходима законодательной технике, которая без нее не может обойтись именно в силу ее исключительности. Фикцию как прием используют только тогда, когда другие средства и приемы в достижении законодательной цели неэффективны. Фикции сразу же выделяются из общего ряда средств юридической техники как прием, показывающий нечест-

ность законодателя. И, действительно, как прием, фикция «передерживает», «подтасовывает», подменяет действительность. Именно в этом проявляется ее исключительность: она заставляет принимать за существующее несуществующее и наоборот.

Полагаю, что юридическая фикция может выступать также и в качестве приема техники толкования, что в современной теории почти не изучено.

Фикция как особый технико-юридический прием правовой регламентации общественных отношений приобретает обязательный характер в силу отражения его в законе. Она закрепляет надуманный, противоречащий действительности факт, не имеющий под собой реальной основы с тем, чтобы затем из этого искусственным образом делать какие-либо юридические выводы.

* * *

Обобщая наиболее распространенные точки зрения, укажем, что юридическая фикция — это один из видов фикции вообще (т.е. нечто вымышленное); она содержится и закрепляется в правовых нормах; легально, преднамеренно создана и вносит императивный характер в нормы.

Полагаем, что проанализированные выше определения юридической фикции не в полной мере учитывают ее признаки и функциональное предназначение. Считаю необходимым сформулировать следующее определение юридической фикции, *как приема законодательной (юридической) техники.*

Юридическая фикция — это универсальный технико-юридический прием разработки и реализации норм права, состоящий в признании несуществующего положения существующим и наоборот, имеющий особое целевое назначение в механизме правового регулирования общественных отношений и являющийся одним из способов преодоления состояния неопределенности в правовом регулировании.

Список литературы

1. Фуко М.-П. Слова и вещи // Электронная библиотека «Грамотей» / <http://www.gramotey.com> (дата обращения: 22.01.2022).
2. Кашанина Т.В. Оценочные понятия в советском праве: Автореф. дисс.: канд. юрид. наук. Свердловск, 1974.
3. Оценочные понятия в советском праве // Правоведение. 1976. № 1.
4. Правовые понятия как средства установления содержания права // Советское государство и право. 1981. № 1.
5. Структура права. Монография. М.: Проспект, 2013.
6. Крассов О.И. Земельный участок — основа понятийного аппарата земельного права // Экологическое право. 2011. № 4.
7. Танимов О.В., Баршова О.А. Юридические фикции в древних источниках права (историко-теоретический аспект) // История государства и права. 2011. № 13.

8. Одинцов С.В., Миронов Э.Ю. Цифровизация имущественного оборота: доктринальные трактовки и законодательная практика // Современное право. 2020. № 11 / СПС «КонсультантПлюс».
9. История философии: Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002.
10. Грибакин А.В. Понятие юридического закона как парадигма философии права/ Бизнес. Менеджмент. Право. 2011. № 1.
11. Лившиц Р.З. Теория права. Учебник. М.: Издательство БЕК, 1994.
12. Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976.
13. Байтин М.И. Сущность права. Саратов, 2001.
14. Кашанина Т.В. Сущность и содержание права: дифференцированный подход // Lex Russica. 2011. № 5.
15. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002.
16. Александров Н.Г. Сущность права. М., 1950.
17. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947.
18. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972.
19. Радько Т.Н. Теория государства и права. М., 2009.
20. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2009.
21. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999.
22. Карташов В.Н. Теория правовой системы. Т. 1. Ярославль, 2005.
23. Толстик В.А., Трусов Н.А. Диалектика взаимодействия сущности права, содержания права и факторов, влияющих на правообразование // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2008. № 1(6).
24. Толстик В.А., Трусов Н.А. Борьба за содержание права. Н. Новгород, 2008.
25. Денисов Г.И. Юридическая техника: теория и практика // Журнал российского права. 2005. № 8.
26. Маркин А.В. Фикции в римском праве: логическая природа и правовая целесообразность // Вектор науки ТГУ. 2011. № 2(16).
27. Давыдова М.Л. Определенность права и технико-юридические средства ее обеспечения // (Legal concept) Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 4.
28. Давыдова М.Л. Сравнительная юридическая техника: размышления о возможности и необходимости существования в культурном пространстве России // Юридическая техника. 2016. № 10.
29. Панько К.К. Юридические фикции в современном российском праве // Проблемы юридической техники: Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000.
30. Юридическая техника: Учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативно правовых актов органами исполнительной власти / под ред. член-корр. Т.Я. Хабриевой, проф. Н.А. Власенко. М., 2010.
31. Кашанина Т.В. Юридическая техника. М., 2007.
32. Миронов А.Н. Юридическая технология, юридическая техника, правовая политика: соотношение понятий // Вопросы правоведения. 2010. № 2.
33. Доктринальные основы юридической техники / Отв. ред. д.ю.н., проф. Н.А. Власенко. М.: ИД «Юриспруденция», 2010.
34. Иеринг Р. Юридическая техника (извлечения) // Вопросы адвокатуры. 2002. № 3.

35. Туранин В.Ю. Политическая составляющая юридической терминологии // Право и образование. 2019. № 9.
36. Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания // Советское государство и право. 1978. № 3.
37. Бабаев В.К. Советское право, как логическая система. М., 1978.
38. Борисов Г.А. Отправные нормативные установления законодательства: дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1991.
39. Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М.-Л., 1948.
40. Давыдова М.Л. Проблемы понятия и классификации правовых фикций // Вестн. ВолГУ. 2009. № 11.
41. Курсова О.А. Фикции в российском праве: Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. юр. наук. Нижний Новгород., 2001.
42. Нахова Е.А. Роль презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию / Е.А. Нахова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006.
43. Марохин Е.Ю. Юридическая фикция в современном российском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Ставрополь, 2004.
44. Резиньков П.М. Юридическая фикция: теоретико-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград; 2012.